

Доклад

Миссия
культурной и научной
дипломатии России
на Ближнем Востоке

В.В. Наумкин
М.Б. Пиотровский
В.А. Кузнецов

Доклад

Миссия
культурной и научной
дипломатии России
на Ближнем Востоке

В.В. Наумкин
М.Б. Piotровский
В.А. Кузнецов

Москва 2024

Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова

Доклад

Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке

Авторы:

Наумкин В.В., проф., академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН, декан Восточного факультета ГАУГН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент Российского совета по международным делам

Пиотровский М.Б., проф., академик РАН и РАХ, генеральный директор Государственного Эрмитажа, декан Восточного факультета и зав. кафедрой Древнего Востока СПбГУ, член президиума Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, член Общественного совета при Россотрудничестве

Кузнецов В.А., проф., д. полит. н., заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН, заведующий базовой кафедрой ИВ РАН в ГАУГН, член Российского совета по международным делам

Редактор: к.ист.н. Мамедов Р.Ш., научный руководитель Центра Примакова

Наумкин В.В., Пиотровский М.Б., Кузнецов В.А. Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке: доклад № 1 / 2024. — М.: Центр Примакова, 2024. — 40 с.

ISBN 978-5-6051936-8-5

№ 1, 2024

Высказанные в материале мнения отражают исключительно взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Центра внешнеполитического сотрудничества им. Е.М. Примакова

© Наумкин В.В., Пиотровский М.Б., Кузнецов В.А. 2024

Содержание

Тезисы (основное).....	6
Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке	8
Введение	8
Наука, культура, дипломатия: понятия и истоки.....	9
Понятия.....	9
Истоки	11
Два лика научной дипломатии.....	13
Наука в дипломатии.....	13
Наука для дипломатии.....	18
Культурная дипломатия.....	21
Между наукой и культурой.....	21
Задачи на завтра	31

Тезисы (основное)

1. Развитие отношений России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки и появление новых направлений сотрудничества будут требовать расширения повестки дня научного сопровождения этих отношений.
2. Энергетика, фармацевтика, сельское хозяйство, космос, инструменты цифрового управления — очевидные направления для развития научно-технологического сотрудничества. Основные препятствия для него — это низкий уровень знания друг о друге; высокие дисбалансы научно-технологического развития стран региона и разнонаправленности стратегий этого развития; глобальные и региональные политические противоречия; секьюритизация сферы науки и технологий.
3. Структура деятельности профильных академических институтов будет меняться в сторону наращивания экспертно-аналитического сопровождения интересов российского бизнеса на Ближнем Востоке.
4. Существующие в регионе программы российских полевых исследований могут быть расширены проектами по культурной антропологии и социологии. Необходима серьезная координация полевых исследований со стороны Российской академии наук.
5. Перспективным направлением видится расширение применения цифровых технологий и платформ для укрепления межакадемического взаимодействия на национальных языках.
6. Остается проблемой недостаточная информированность как российского, так и ближневосточных обществ о достижениях в реализуемых на Ближнем Востоке и в Северной Африке полевых исследованиях. Ситуация может быть исправлена через усиление их информационной поддержки и развитие научной журналистики; через организа-

цию просветительских мероприятий как в вузах стран региона, так и в активно действующих Русских домах; наконец — через поддержку научно-популярных изданий и их переводов.

7. Одним из важных средств преодоления недоверия в научном и культурном сотрудничестве является совместность реализуемых проектов. Заслуживает внимания имеющийся у России опыт работы различных двусторонних комиссий историков, в рамках которых ищутся компромиссные интерпретации спорных исторических событий.
8. Чрезвычайно важно формировать и поддерживать личные эмоциональные связи между представителями творческой интеллигенции России и стран Ближнего Востока. По-настоящему важным начинанием для укрепления нашей культурной дипломатии мог бы стать регулярный большой ближневосточный фестиваль с историческими и этнологическими дискуссиями о единстве разнообразного мира. Другими эффективными инструментами здесь могли бы стать специальные стажировки, проведение совместных творческих лабораторий, сезонных школ и т. п.

Миссия культурной и научной дипломатии России на Ближнем Востоке

Введение

Когда заходит речь о российской политике на Ближнем Востоке, как правило, в центре внимания оказываются политические, военно-политические или экономические сюжеты. Несколько реже обсуждаются вопросы публичной дипломатии. Совсем редко — гуманитарное сотрудничество, и в особенности те его аспекты, что связаны с наукой и культурой. В этом докладе мы хотели бы сосредоточиться именно на них. Не только потому, что им уделяют меньше внимания (хотя сказать есть о чем!), и не потому, что мы, авторы доклада, не одно десятилетие жизни отдали работе именно на этих направлениях, но и потому, что, как нам представляется, именно наука и культура в современном расколотом мире могут играть — и уже играют — роль важнейших факторов сдерживания, недопущения скатывания человечества в варварство. Они могут оказаться инструментами миростроительства тогда, когда другие уже не работают.

Мы не ставим себе задачей описать все, что делает Россия на Ближнем Востоке в научной или культурной сферах, — едва ли это может быть сделано в рамках небольшого аналитического материала. Наша задача скромнее — порассуждать о том, какую роль играют наука и культура в сближении России со странами Ближнего Востока и какую роль они могут играть.

Наука, культура, дипломатия: понятия и истоки

Понятия

Несмотря на то, что и научная, и культурная дипломатия периодически становятся предметами исследовательского внимания, ни то, ни другое понятие однозначного определения не имеет.

С научной дипломатией дело обстоит более или менее понятно. Как правило, под ней понимается три разных аспекта¹. Во-первых, это так называемая наука в дипломатии, то есть научное сопровождение дипломатической и — шире — внешнеполитической деятельности. Во вторых, это «наука для дипломатии» — использование международного научного взаимодействия для дипломатических целей и — шире — продвижения своих интересов. Наконец, в-третьих, — наименее интересный для нас аспект в контексте настоящего доклада — «дипломатия для науки», то есть политико-дипломатическое обеспечение международного научного взаимодействия.

С культурной дипломатией сложнее: это образ и практика, имеющие много подвижных аспектов и смыслов. Сегодня в свете дискуссий на Форуме объединенных культур (2023, 2024) на первый план выходят два ее взаимосвязанных измерения: использование традиционных дипломатических механизмов, приемов и институций для взаимодействия между суверенными культурами и использование культурных событий, институтов и ценностей для развития дипломатических отношений, особенно в условиях острых политических противостояний.

В более конкретном плане как в случае с научной, так и в случае с культурной дипломатией речь идет о двух «моделях».

Одна основывается на образе «канарейки в клетке». Говорят, что долгое время шахтеры вешали в тоннелях клетки с канарейками, так как эта птица первой чувствует наличие угарного газа. Культурные институции тоже первыми реагируют на надвигающиеся изменения. Так, на-

1 Крынжина М. Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 194. DOI 10.17994/IT.2018.16.4.55.12

пример, перспективы резкого ухудшения отношений России и США четко проявились около двадцати лет назад в провале всех попыток выработать новую схему гарантий возврата обменных выставок. В результате выставок нет уже более десятилетия, а политические отношения между двумя странами переживают едва ли не самый глубокий кризис за всю историю. Вместе с тем именно выставочные и театральные обмены, равно как и взаимодействие между учеными, зачастую становятся маркерами надвигающегося улучшения. Достаточно вспомнить, что в свое время существующие в США гарантии для иностранных экспозиций были приняты для выставки скифского золота из СССР.

Другая модель культурной и научной дипломатии основывается на образе-метафоре мягкой силы. Отнесение науки и культуры к этой категории «энергий» еще недавно было оптимистически общепринятым. Сегодня почти внезапно термин стали считать враждебным тому нейтралитету, который якобы для культуры и науки характерен. Подчас приходится слышать о его неприемлемости, что, однако, представляется неверным. Во взаимоотношениях элементов пространства, в том числе и человеческого, действуют энергии и силы, к числу которых относятся культура и наука — по крайней мере, в том случае, когда они находятся в сфере динамично меняющихся отношений. Как мягкая сила той или иной страны, народа они являются основами культурного и интеллектуального суверенитета, предметами гордости, основой уважения со стороны партнеров по международным отношениям. Поэтому культурная конкуренция — это часть формирования мирового культурного наследия, точно так же как научное соперничество между государствами, вовсе не противоречащее идее общечеловеческого характера научного знания, — важнейший движитель научно-технического развития.

ИСТОКИ

Исторически культурное и научное присутствие России на Ближнем Востоке отделить друг от друга весьма сложно. Русские паломники и путешественники, записывавшие свои впечатления об увиденном в далеких землях, служили одновременно как расширению культурных горизонтов жителей Руси, а потом Российской империи, так и обогащению научного знания того времени. Эта традиция сохранялась довольно долго, даже когда ее носителями стали уже не столько паломники, сколько путешественники и дипломаты, сочетавшие в своей работе исполнение дипломатических и научных задач, как, например, К. М. Базили².

Характерно при этом, что культурное присутствие России на Ближнем Востоке в XIX веке, впрочем, как и ранее, базировалось на довольно ярко выраженном комплексе морально-этических представлений, связанных со стремлением поддержать православных единоверцев, часто без достаточного учета колониальной реальности. Яркие примеры этого — «Восточный вопрос» и Крымская война или (более позитивный пример) и поныне памятная история Императорского Православного Палестинского Общества с его культурной и просветительской повесткой. Другими проявлениями ценностного отношения к региону, но уже без религиозной составляющей служат образы российских востоковедов И. Ю. Крачковского³, А. Е. Крымского⁴, и других, приветствовавших становление арабской культуры нового времени — так называемой ан-Нахды. Наконец, нельзя забывать и о том, что

oooooooooooooooooooo

2 Базили Константин Михайлович (1809–1884) — русский дипломат, путешественник и востоковед, генеральный консул в Сирии и Палестине (1844–1853). Самые известные его труды: «Очерки Константинополя; Босфор и новые очерки Константинополя» (М.: Индрик, 2006. — 463 с.); «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях» (М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2007. — 607 с.).

3 Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) — арабист, один из создателей отечественной школы арабских исследований, переводчик Корана, автор многочисленных трудов по классической арабской истории и литературе. Самые известные работы: «Арабская географическая литература» (М.: Восточная литература, 2004. — 919 с.); «Над арабскими рукописями» (М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. — 168 с.).

4 Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) — российский, украинский, советский востоковед, писатель, переводчик, автор множества работ по истории арабской, турецкой и персидской литературы, ислама, суфизма. Самые известные труды: «История новой арабской литературы (XIX – начало XX века)» (М.: Гл. ред. вост. лит., 1971); «История Турции и ее литературы» (в 2 т. — М.: 1910–1916); «Письма из Ливана (1896–1898)» (М.: Наука, 1975. — 344 с.).

после становления России как многоконфессионального государства, в котором мусульмане составляли вторую по численности религиозную общину, исламские связи сами по себе также становились важными каналами взаимного узнавания культур.

В советское время сформировалась новая «этико-прагматическая» основа научной и культурной дипломатии в регионе: она была завязана на желании молодой советской России «дружить» с обретавшим культурную независимость арабским миром. Уникальные эпизоды установления культурных связей с Йеменом и Саудовской Аравией сохранены в культурной памяти: достаточно вспомнить известный фильм В. А. Шнейдерова «Эль Йемен» (1930)⁵ или наследие К. А. Хакимова⁶ и Н. Т. Тюрякулова⁷. Поддержка СССР прогрессивных антиколониальных режимов после Второй мировой войны тоже запомнилась пафосом «дружбы», превышавшим осознаваемую геополитическую заинтересованность.

Повсюду, и особенно в таких странах, как Египет, Алжир или Сирия, сохранилась эмоция прихода помощи в нужный момент, так же как сохранились и некоторые негативные эмоции, подчас омрачавшие историю двусторонних отношений. Эту в большей мере благоприятно эмоционально окрашенную память сохраняют иногда демонстративно. К примеру, газета «Аль-Ахрам» регулярно публикует информацию о событиях в Российском культурном центре, при том что они сегодня далеко не так масштабны, как это бывало прежде. В Египте помнят о роли СССР в создании в стране балета и системы исполнения произведений классической музыки. Точно так же в Алжире и Сирии вспоминают не только о помощи со стороны СССР в борьбе за независимость или о военно-политическом взаимодействии, но и о научном сотрудничестве между странами. Это наследие хорошо бы сберегать, как возобновляя память о нем, так и стимулируя его новые воплощения.

oooooooooooooooooooo

5 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zt3eYr7TLQY>

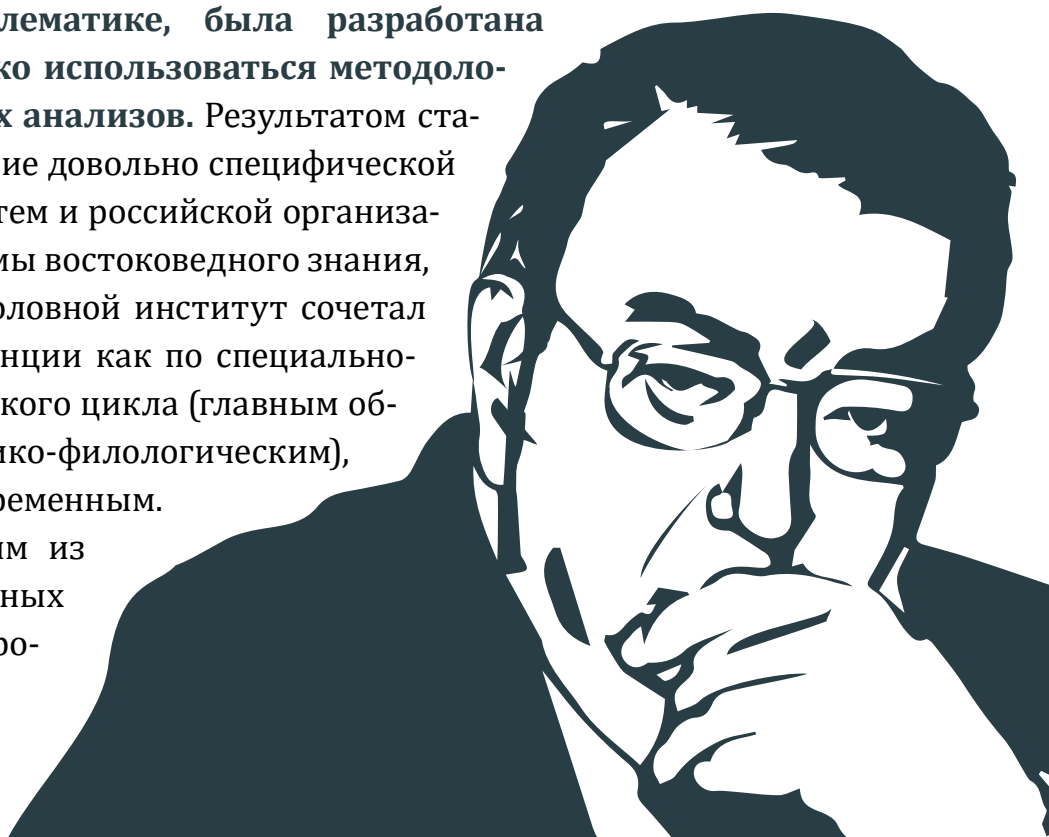
6 Хакимов Карим Абдрауфович (1890/1892 – 1938) — советский дипломат, полномочный представитель РСФСР в Бухарской народной республике, затем генеральный консул РСФСР/СССР в г. Мешхеде, г. Реште, генеральный консул, затем полномочный представитель СССР в Королевстве Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий (1926–1928), в Йеменском королевстве (1929–1931), в Королевстве Саудовская Аравия (1935–1937).

7 Тюрякулов Назир Тюрякулович (1892–1937) — советский партийный деятель, дипломат, нарком просвещения Туркестанской АССР, председатель ЦИК Туркестанской АССР, в 1922–1928 гг. председатель правления Центрального издательства народов Востока и заместитель ректора Института народов Востока, полномочный представитель СССР в Королевстве Хиджаза, Неджда и присоединенных территорий (Королевстве Саудовская Аравия) (1928–1935).

Два лика научной дипломатии

Наука в дипломатии

В советский период происходила постепенная дифференциация культурной и научной дипломатии. При этом в последней особенно важную роль постепенно начинала играть научная поддержка внешнеполитической деятельности, ярким проявлением чего были, к примеру, жаркие споры в Академии наук относительно азиатского способа производства, которые велись в связи с необходимостью выработки подходов к национально-освободительным движениям в странах Востока. Как системная практика научное, а точнее, экспертно-аналитическое сопровождение внешней политики стало складываться во второй половине XX в. (в 1956 г. был основан важнейший на этом направлении Институт мировой экономики и международных отношений). В 1970-е гг. начала формироваться система научной поддержки именно ближневосточной политики. Значительную роль здесь сыграли реформы, проведенные Е. М. Примаковым в бытность его директором Института востоковедения (1977–1985). При нем институт, занимавшийся преимущественно классическими исследованиями, стал особенно активно разворачиваться к современной проблематике, была разработана и стала широко использоваться методология системных анализов. Результатом стало формирование довольно специфической советской, а затем и российской организационной системы востоковедного знания, при которой головной институт сочетал в себе компетенции как по специальностям классического цикла (главным образом историко-филологическим), так и по современным. Пожалуй, одним из самых известных и успешных про-

ектов, начатых в то время и продолжавшихся несколько десятилетий, была так называемая Дартмутская конференция — созданный в 1960 г. и сохранявшийся на протяжении шести десятилетий общественный канал связи между СССР, а затем Россией и США. Действовавшая в рамках конференции группа по региональным конфликтам сыграла существенную роль в урегулировании конфликта в Таджикистане, а также в переговорном процессе по Нагорному Карабаху.

В современной России эта академическая традиция была дополнена появлением новых институций — прежде всего в секторе гражданского общества. Среди них можно упомянуть Российский совет по международным делам (РСМД), Международный дискуссионный клуб «Валдай» (Клуб «Валдай»), Центр внешнеполитического сотрудничества имени Е. М. Примакова (Центр Примакова), Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова, Группу стратегического видения «Россия — Исламский мир», Хакимовский клуб и др.

В эти годы научное сопровождение ближневосточной политики стало одновременно и более разнообразным, и более системным. Прежде всего интенсифицировалось участие российских представителей в крупных региональных экспертных мероприятиях, таких как ежегодный форум Сир Бани Яс в ОАЭ.

В то же время в самой России появилось несколько более или менее публичных форматов второго трека. Самые известные из них — это уже четырнадцать лет проходящие Ближневосточные диалоги Клуба «Валдай», ежегодно организуемые клубом вместе с Институтом востоковедения. Публикуемые каждый раз к заседанию аналитические доклады по прошествии стольких лет, пожалуй, дают возможность отследить, как менялись подходы российского экспертного сообщества к текущей ситуации в регионе.

Другой формат, ставший уже регулярным, — это Международный экспертный форум «Россия — Ближний Восток», который Центр Примакова проводит раз в год также вместе с Институтом востоковедения. В отличие от валдайских заседаний форумы носят закрытый характер.

Помимо этих двух «долгоиграющих» проектов, конечно, нельзя не отметить различные более узкие и менее публичные мероприятия, которые организует РСМД, равно как и деятельность Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир». Последняя интересна тем, что в ней сочетаются между собой, с одной стороны, элементы научной,

общественной и религиозной дипломатии (не случайно в заседаниях Группы неизменно принимают участие религиозные лидеры), а с другой — элементы общественной и региональной парадипломатии (Группу возглавляет раис Татарстана Р. Н. Минниханов). Последняя, кстати сказать, вообще в последние годы начала играть довольно значимую роль в продвижении российских интересов в регионе.

Наконец, весьма существенными остаются различные инициативы дипломатии второго трека, которые реализовывались в последние годы ИВ РАН самостоятельно. Среди них — два раунда межсирийских переговоров весной 2015 г.; четыре — межпалестинских консультаций (2010, 2017, 2019, 2024), итогом которых в текущем году стало совместное коммюнике 14 палестинских организаций; три Международные экспертные встречи по проблемам безопасности в Персидском заливе (2019, 2021, 2023), также в последний раз завершившихся принятием общего документа. Как можно заметить по самому перечню этих мероприятий, они в значительной степени направлены на смягчение противоречий между дружественными России игроками (об этом ярко свидетельствуют встречи по Персидскому заливу) и на деэскалацию и урегулирование конфликтов. Кроме того, значимость указанных инициатив определяется тем, что они дают возможность поддерживать контакты с теми региональными акторами, официальные дипломатические отношения с которыми на других площадках могут быть по каким-то причинам затруднены.

Можно сказать, что на сегодняшний день в научном обеспечении ближневосточной политики России сложилась уникальная ситуация тесного сотрудничества между общественными деятелями, академическими учеными и дипломатами. Отчасти все дело в эффекте накопления опыта. Отчасти — в пока сохраняющихся особенностях отечественной востоковедной школы, в которой еще со студенческой скамьи складывается тесное сообщество профессионалов, связи между которыми сохраняются на долгие годы, вне зависимости от того, работают ли они в академической науке или занимаются практической деятельностью.

Дальнейшее развитие «науки в дипломатии», думается, будет идти в направлении как усложнения организационных форм, так и углубления сущности этой деятельности.

Во-первых, само развитие отношений России с государствами

*III Международный научно-экспертный форум «Россия — Ближний Восток»
(Санкт-Петербург, 2023)*

Ближнего Востока и Северной Африки и появление новых направлений сотрудничества будет требовать расширения повестки дня научного сопровождения этих отношений. До сих пор основными их мотивами были двусторонние политические связи, урегулирование конфликтов, трансформация региональной подсистемы отношений и борьба с экстремизмом. И хотя речь об экономике или энергетике шла намного реже, а о проблемах продовольственной безопасности или научно-технологического сотрудничества — еще реже, в последние несколько лет все эти вопросы стали выноситься на обсуждение в рамках больших многосторонних конференций (Ближневосточные диалоги Клуба «Валдай», форум «Россия — Ближний Восток», Примаковские чтения, ежегодно проводимые ИМЭМО, различные международные форумы и т. п.). Вероятно, не за горами тот час, когда работа на этих направлениях может потребовать создания специализированных форматов. Характерно в этом отношении проведение 19 сентября 2024 г. на базе Сколтеха и НИУ ВШЭ Первого Международного семи-

нара «Технологическая устойчивость БРИКС: партнерство университетов и промышленности», участие в котором приняли руководители научно-технологической сферы большинства стран БРИКС. Кроме того, можно предположить, что более значимую роль будут играть различные многосторонние инициативы и коллаборации (возможно, в рамках БРИКС) по решению актуальных для Ближнего Востока глобальных проблем.

Во-вторых, **меняется — и будет меняться — структура деятельности академических институтов, в которых набирает обороты сочетание работы по решению чисто академических и экспертно-аналитических задач с реализацией образовательных и просветительских проектов.** Такое движение в сторону формирования вокруг институтов научно-образовательных экосистем способствует повышению качества аналитической работы и создает новые каналы взаимодействия науки, государства и гражданского общества. **На повестке дня стоит экспертно-аналитическое сопровождение интересов российского бизнеса.**

В-третьих, **продолжается диверсификация институциональных структур, занимающихся научным сопровождением внешней политики.** Классические мозговые центры западного типа (think tanks) в России не получили серьезного развития — их место занимают крупные академические институты. Однако такие структуры могут появиться в связи как раз с необходимостью консалтинговой поддержки бизнеса. Кроме того, по всей видимости, будет продолжаться усиление экспертной работы в крупных университетах (ИМИ МГИМО, НИУ ВШЭ, ИМО КФУ и др.), где уже сформированы активные и весьма интересные исследовательские подразделения. В особенности такое направление развития может стать актуальным для регионов, активно выходящих на международные рынки или занимающихся парадипломатией: в них крупные университеты в перспективе 10–15 лет могут стать безальтернативными экспертными центрами.

Наука для дипломатии

Если научно-аналитическое сопровождение ближневосточной политики довольно развито, то с научной дипломатией, увязанной с проблематикой НТС, дела обстоят несколько хуже.

На протяжении последних нескольких десятилетий эта тематика для развития отношений России с государствами Ближнего Востока и Северной Африки оставалась маргинальной. Причины очевидны. В большинстве случаев сам уровень научно-технического развития государств региона предполагал возможность только асимметричных отношений по схеме «донор — реципиент». Пожалуй, из всех ближневосточных государств лишь с Израилем и в меньшей степени Турцией речь может идти о существовании сколь-либо значительного объема НТС в постсоветский период, но и с ними — значительно меньшего, чем со странами Запада или государствами постсоветского пространства. Так, согласно базе данных Web of Science среди всех научных коллабораций российских ученых Израиль к 2022 г. занимал 24-е (0,74 % публикаций в коллаборациях), а Турция 30-е (0,62 %) место из 40, в то время как другие государства региона вовсе не входили в число значимых партнеров (в том числе ни одно из государств, вступивших в БРИКС в 2024 г.)⁸.

При этом те из стран региона, что обладали достаточными ресурсами для закупки российских технологий, были ориентированы главным образом на страны Запада. Однако после 2022 г. ситуация начала меняться.

Взятый Россией курс на укрепление технологического суверенитета в совокупности с переориентацией политических и экономических связей на Восток и Юг и растущее стремление ближневосточных государств-лидеров укрепить свое положение на международной арене и в мировой экономике, диверсифицируя в том числе и научно-технические связи, подталкивают их к интенсификации сотрудничества. Сегодня можно уже говорить о реализации в регионе нескольких проектов по линиям Росатома и Роскосмоса, о вхождении Египта в число стран — участниц Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), об интенсификации взаимодействия в рамках БРИКС, при которой действует 13 рабочих групп по различным аспектам НТС.

8 Fiala D., Maltseva D. Russian Publications in Web of Science: A Bibliometric Study // COLLNET Journal of Scientometrics and Information Management. 2023. № 17 (2). P. 217–245. DOI: 10.47974/CJSIM-2022-0006

Среди препятствий для сотрудничества сегодня можно выделить несколько основных.

Первое — низкий уровень знания друг о друге. Практически полное отсутствие опыта совместной научной деятельности, явно видное по ничтожному числу совместных публикаций и зарегистрированных патентов, и отсутствие общих научных школ ведут к тому, что российские и ближневосточные ученые просто не знают, чем могут быть друг другу интересны. Именно поэтому успешные проекты НТС России на Ближнем Востоке — это почти всегда результат либо межгосударственных договоренностей, либо действий крупных госкорпораций. В то же время серьезных «историй успеха» в межуниверситетском взаимодействии (за исключением открытия филиалов некоторых университетов, но и то — нацеленных исключительно на образование, а не на науку) или сотрудничества между научными лабораториями практически нет.

Церемония доставки первой партии ядерного топлива на АЭС «Аккую» в Турции. Генеральный директор ГК «Росатом» Алексей Лихачев и министр энергетики и природных ресурсов Турции Фатих Дёнмез

Другая проблема состоит в высоких дисбалансах научно-технологического развития стран региона и разнонаправленности стратегий этого развития. Наряду с государствами, входящими в число мировых технологических лидеров (Израиль) или стремящимися к этому (ОАЭ, Турция), на Ближнем Востоке есть страны, для которых эта сфера вовсе не является приоритетной. Очевидно, что работать с ними надо по-разному. Одновременно с этим подходы к международному научно-технологическому сотрудничеству государств региона также разнятся. Для Ирана, как и для России, характерно продвижение повестки технологического суверенитета. При этом как сочетать суверенизацию знания с международной кооперацией — серьезный вопрос для обеих стран. В то же время ОАЭ, Саудовская Аравия и Египет в большей степени нацелены на международную интеграцию: их связи с западной наукой имеют давнюю традицию. Возможности и пределы их сближения с Россией при этом оказываются под вопросом.

Наконец, третья часть проблем — это политические противоречия. Во-первых, между Россией и Ираном с одной стороны и Западом — с другой: здесь возникает проблема санкций, в том числе вторичных. Однако, во вторых, это различные противоречия внутри Ближнего Востока — между рядом арабских государств и Ираном, между Ираном и Израилем и т. д. Несмотря на снижение политической напряженности, на некоторых из этих направлений ни о каком доверии в отношениях речи нет, а в других случаях события и вовсе развиваются в направлении довольно быстрой эскалации. Между тем, чтобы выстраивать научно-технологическое сотрудничество, требуется доверие, причем на долгосрочную перспективу.

С этой проблемой связана и та, что может быть обозначена как **секьюритизация научно-технологического сотрудничества**, которое рассматривается всеми сторонами в значительной степени через призму проблем безопасности, что объективно затрудняет запуск больших проектов.

Все это, конечно, не означает, что вовсе никакое сотрудничество невозможно. **Такие сферы, как энергетика, фармацевтика, сельское хозяйство, космос, инструменты цифрового управления, — это очевидные направления для возможного сотрудничества.** Однако время для него еще впереди — сегодня речь должна идти только о нащупывании возможных проектов и об установлении постоянных

рабочих отношений между научными сообществами. Естественными инструментами на этом пути могли бы быть совместные конференции, грантовые программы и программы научных стажировок и академического обмена.

Культурная дипломатия

Между наукой и культурой

Особой областью сотрудничества — где-то на границе между собственно научной и культурной дипломатией — является взаимодействие между российскими и ближневосточными учеными-гуманитариями.

В отличие от естественно-научной и технологической сфер, здесь достижений немало и сотрудничество идет активнее.

Так, традиционно важное и несомненно уникальное направление работы гуманитариев — это сокотрийские исследования, которые были начаты отечественными учеными уже более 40 лет назад и продолжаются и сегодня, в годы никак не кончающегося конфликта в Йемене. Результатов этой работы несколько. В чисто академическом плане чрезвычайно важным представляется само изучение ранее неизвестных науке семитских языков (не только сокотрийского, но и других живых южноаравийских), создание сокотрийской письменности и введение в оборот значительного корпуса фольклорного материала. С точки зрения мировой культуры эти исследования добавляют новые фрагменты в мозаику ближневосточных культур, сам перечень которых оказывается значительно больше, чем считалось ранее. Наконец, с точки зрения российской научной и культурной дипломатии речь идет как об укреплении российского присутствия на Аравийском полуострове, так и о подтверждении важного места России в мировой науке — не случайно результаты этих исследований публикуются сегодня, пожалуй, самым престижным для востоковедов международным издательством E. J. Brill⁹.

9 Naumkin V., Kogan L., al-Daʿrhi I., al-Daʿrhi A., Cherkashin D., Bulakh M., Vizirova E. Corpus of Soqotri Oral Literature. Volume 1. Leiden — Boston: Brill, 2014; Naumkin V., Kogan L., al-Daʿrhi I., al-Daʿrhi A., al-Daʿrhi M., Cherkashin D., Bulakh M., Vizirova E. Corpus of Soqotri Oral Literature. Volume 2. Leiden —

Продолжение работы на этом направлении предполагает расширение исследуемой проблематики. Достаточно вспомнить в связи с этим, что еще с 1983 г. в Южном Йемене работала советская, а затем российская комплексная экспедиция — одна из крупнейших (по объему финансирования и по числу специалистов) зарубежных гуманитарных научных миссий за всю историю советской Академии наук. В рамках той экспедиции велись не только фольклорно-лингвистические, но и археологические и этнографические исследования. Результатами работы одних только палеонтологов стало открытие и изучение более 100 памятников, в результате чего было доказано, что Хадрамаут был одним из древнейших районов возникновения человеческой цивилизации. Особенно большое значение имели раскопки городища в оазисе Райбун, доказавшие возникновение первых земледельческих поселений во Внутреннем Хадрамауте не позднее последней четверти II тыс. до н. э.

Эта экспедиция внесла огромный вклад в изучение истории Аравийского полуострова от древности до современности, помогла воспитать несколько поколений российских ученых и йеменских специалистов. Она до сих пор не забывается, несмотря на все йеменские перемены, как образец культурного взаимодействия и дружбы. Не так давно правительство Йемена торжественно наградило грамотами целую группу российских исследователей. Обращаясь к замечательному наследию той работы, сегодня можно вести речь о дополнении существующей программы исследований новыми направлениями — как уже существовавшими ранее (археология, этнология), так и другими, прежде всего социологическим.

Другим направлением работы востоковедов в сфере научной дипломатии в последние пять лет стало взаимодействие с партнерами из арабских стран по расширению использования за пределами России русского языка, а за пределами арабского мира, соответственно, арабского, а также по повышению статуса и популярности наших двух языков. В качестве инструмента было использовано, в частности, включение в так называемый Комитет по арабскому языку при Министерстве культуры ОАЭ, в котором объединены наиболее видные ученые, литераторы, профессора крупнейших арабских университетов, представителя ИВ РАН. Это обеспечило для нас возможность содействовать как распростране-

нию русского языка в этих университетах, так и росту культурных обменов, переводу арабской художественной и общественно-политической литературы на русский язык и русской на арабский при активизации обмена опытом. Заслуживали внимания, к примеру, такие организованные Комитетом мероприятия, как составление списка «Сто и одна книга», в который вошли наиболее значительные и известные произведения арабской литературы, перевод которых на главные языки народов мира поддерживается по линии государств и бизнеса, проведение лите-

ратурных конкурсов, выставок, двух конференций переводчиков в Москве (2022, 2023) и т. п.

Работа на этом направлении сегодня отягощается некоторой асимметрией в интересе к культурному наследию партнеров в России и арабских странах. В целом арабские переводчики, издатели, читательская публика проявляют больше интереса к русской литературе, чем российские к арабской. Так, на арабский регулярно переводятся не только классические произведения русских писателей (включая таких сложных авторов, как, например, А. Платонов), но и современная литература. Например, замечательный иракский переводчик Мунзир Казим перевел роман А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (*Ал Питруф ва-л-инфлуванза ва хаулаха*. Абу-Даби, Thaqafa Publishing and Distribution L.L.C., 2022).

Перспективным на филологическом направлении видится расширение применения цифровых технологий и платформ для укрепления межакадемического взаимодействия на национальных язы-

Остров Сокотра (Йемен), фольклорно-лингвистическая экспедиция под руководством академика В.В. Наумкина, (декабрь, 2021)

Представитель Государственного совета по древностям и наследию Ирака Амджад Неама и ведущий научный сотрудник ИА РАН Шахмардан Амиров

ках. Речь здесь может идти, например, о более широком введении в оборот программ поиска и машинного перевода академических публикаций, равно как и об интеграции национальных баз данных академических журналов.

Отдельной темой являются российские археологические экспедиции, работающие в странах Ближнего Востока: в Египте, Судане, Ираке, Сирии.

Традиционно больше всего таких экспедиций в Египте. Там их по меньшей мере пять: три из них ведет Центр египтологических исследований РАН (в Мемфисе, Дейр эль-Банате и Луксоре)¹⁰ и две — ИВ РАН (в Гебель эль-Нуре, Средний Египет, и в восточном некрополе Гизы). В Гебель эль Нуре¹¹ речь идет о раскопках греко-римского посе-

10 Сайт Центра египтологических исследований. Деятельность. URL: <http://www.cesras.ru/services/polevie-issled/>

11 Лебедев М. А. Культурный и природный контекст древнего поселения Гебель эль-Нур в устье Вадии Гайяда (Средний Египет): основные проблемы и перспективы изучения // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. № 6. С. 14–28. DOI: 10.31857/S086919080027503-0
Малых С. Е. Керамика из разведок 2022 г. на археологическом памятнике Гебель эль-Нур в Среднем Египте: датировка и планиграфия // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современ-

ления с храмовой зоной, жилыми кварталами и административными зданиями. Главный храм был посвящен богине Исиде и оформлялся в правление Птолемея II ок. 270 г. до н. э. Уникальность этого памятника для российской науки заключается в том, что это первое поселение на территории Египта, доступное для изучения отечественным специалистам в своих естественных границах и со всей окружающей инфраструктурой, включая два некрополя, каменоломни, сельскохозяйственную округу и караванные пути. В Гизе археологи работают над исследованием погребений III тыс. до н. э. и гробниц Позднего периода. Эта работа проливает свет на проблемы структуры царской администрации, погребальных обрядов, а обнаруженные предметы импорта становятся важными свидетельствами внешних связей Египта.

Две суданские экспедиции работают в Абу Эртейла и в Западном Драгабе, в трехстах метрах к северу от царского города Мероэ. В Абу Эртейла российскими археологами были обнаружены остатки двух храмов времени царя Натакамани (I в. н. э.), алтари и подставки для священных барок богов с надписями египетскими иероглифами, статуи львов, система водоснабжения, гаргульи, около 90 захоронений, система отопления, большое количество фрагментов колонн с рельефными изображениями. В Западном Драгабе был найден храм с защитными сооружениями и колоннами, захоронения священных птиц с бронзовыми статуэтками Осириса, уникальные статуи льва.

Если египетские экспедиции играют существенную роль в поддержании российско-египетских культурных и научных связей и в позиционировании России в мировой археологии, то значимость суданских экспедиций еще и в том, что они содействуют работе над укреплением идентичности неповторимой суданской культуры, позволяя как увидеть в ней автохтонные черты, так и определить египетские заимствования и влияния эллинизма.

Весьма интересные исследования ведутся в Ираке, где еще в советское время много десятилетий работала Иракская экспедиция Института археологии АН во главе с Р. М. Мунчаевым. Сегодня Российско-Иракская комплексная экспедиция (ИБ и ИА РАН при участии ИКВИА НИУ ВШЭ и ГМИИ им. А. С. Пушкина)¹² ведет археологические иссле-

ность. 2023. № 6. С. 246–261. DOI: 10.31857/S086919080027073-7

Ветохов С. В. Размеры и пропорции птолемеевского храма в Гебель эль-Нуре // Восточный курьер / Oriental Courier. 2023. № 2. С. 93–107. DOI: 10.18254/S268684310025618-7

12 Янковский-Дьяконов А. И., Амиров Ш. Н., Меньшиков М. Ю., Джотери Дж. Второй сезон Россий-

дования двух памятников в Южном Ираке. Ранее наши специалисты доступа к этому региону не имели.

На Телле Ваджеф вблизи иранской границы ими раскрыты слои с керамикой Хазине-Меймех и Убейд 2–3 (ок. 5200 г. до н. э.), что делает это поселение древнейшим в мухафазе Майсан и одним из древнейших памятников всего Ирака. Кроме того, Телль Ваджеф является ключевым для изучения системы контактов южноубейдской и загросских культур, что, в свою очередь, важно для понимания предыстории возникновения человеческой цивилизации как таковой.

В то же время Телль Дехайла в 30 км от древнего Ура — это единственный оставшийся неразграбленным крупный однопериодный город эпохи поздней Ларсы (XIX–XVIII вв. до н. э.), ранее не подвергавшийся научным раскопкам. Возможно, этот городской центр уцелел в начале кризиса деурбанизации Месопотамской равнины в XVIII в. до н. э., а возможно, даже был основан во время этого кризиса. Поэтому его значение выходит за рамки региона, обретая важность для теории истории как таковой. К настоящему моменту, помимо подтверждения датировки, получены обширные сведения по ландшафтной археологии, рисующие драматическую картину борьбы жителей города за его существование.

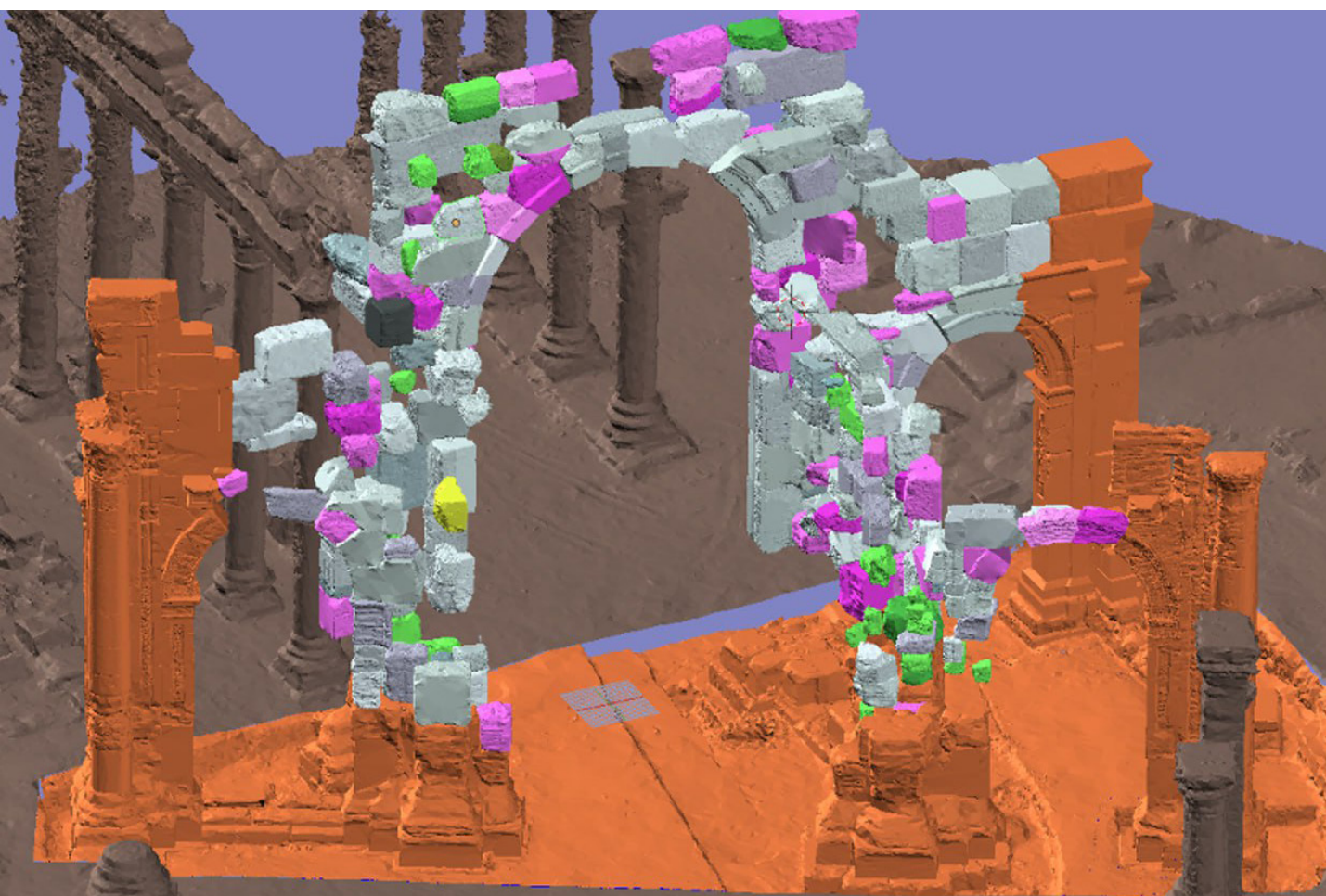
Помимо этого, в 2023 г. российские ученые вместе с иракскими коллегами из университета г. Дивания провели разведку на городище Телль Джидр, которое отождествляется с известным из письменных источников г. Каркар, существовавшим в IV тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Использование дрона позволило выявить городскую структуру и проследить ее эволюцию, а находки и анализ подъемной керамики — доказать, что Каркар был обжит и в ахеменидскую, и в эллинистическую эпохи (V–I вв. до н. э.).

Работа российских ученых в Ираке обретает особую важность с учетом того, что после 2003 г. научные контакты с этой страной на какой-то период были минимизированы. Совместная научная работа уже сегодня становится инструментом восстановления некогда мощных

ско-Иракской экспедиции на Телле Дехайла-1 (2021 г.) // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 267. С. 44–58. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.267.44-58

Янковский-Дьяконов А. И., Кальдербанк Д., Гусак Л. Керамика Телля Дехайла-1 по результатам полевых исследований 2018–2021 гг. // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 6. С. 230–245. DOI 10.31857/S086919080025585-0

Янковский-Дьяконов А. И., Гусак Л. А. Aṭ-ṭāriq aṭ-ṭawīl: долгая дорога к новой Российско-Иракской экспедиции // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия. Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2022. С. 33–35.

Компьютерный проект реставрации Арки Пальмиры

связей и их развития в сторону реализации совместных программ уже не только по археологии, но и по истории, исследованию рукописной традиции, антропологии, экологии и т. д. Кроме того, на повестку дня выносятся вопрос об интенсификации сотрудничества между вузами.

Отдельного упоминания достойна работа наших археологов в Сирии, где после жесточайшего вооруженного конфликта вопрос о сохранении культурного наследия, равно как о сохранении и восстановлении научной школы, приобрел первостепенную значимость.

Здесь параллельно работает несколько экспедиций. Одна из них — международная российско-сирийская подводно-археологическая экспедиция — ведет изыскания в провинции Тартус¹³, две других занимаются восстановлением Пальмиры, а четвертая ведет раскопки в Угарите.

13 Lebedinski V. V., Marwan H. Results of Research of the International Syrian-Russian Underwater Archaeological Expedition in the Waters of the Tartus Province of the Syrian Arab Republic in the 2021–2022 season. / Edited by Pronina J. A. English translation: Bolshakova M. G., Sagan S. N. Arabic translation: Negood Hassan. — Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. — 270 p.

Крайне важным является проект реставрации Триумфальной арки Пальмиры, реализуемый Институтом истории материальной культуры РАН совместно с Государственным Эрмитажем и группами архитекторов и IT специалистов. Это часть серии соглашений российских институций с музейными органами в Сирии, включающих в себя уже осуществленные стажировки и реставрацию пальмирских рельефов. Представленный проект является новым словом в реставрационной теории благодаря широчайшему использованию новейших измерительных методик и подключению искусственного интеллекта. Он разработан в полном соответствии с международными правилами и потому получил официальное

одобрение ЮНЕСКО, которая обычно бойкотирует сирийские и российские инициативы. Разные этапы работы регулярно обсуждаются на международных встречах.

Материальное осуществление зависит от организационных шагов российской стороны, но уже сейчас проект является одним из ярчайших примеров возможностей сотрудничества в сложнейшей военно-политической обстановке. Надо не упустить момент и довести дело до конца.

Наконец, в 2021–2022 гг. российская НКО «Экспедиционный волонтерский корпус» совместно с директором древностей и музеев Министерства культуры Сирии разработала проект обследования и восстановления древнего источника воды Эфка в Пальмире¹⁴, а в 2023 г. при участии Корпуса, а также директората древностей и музеев Министерства культуры САР, Государственного предприятия «Нижегородская областная фармация» и Российского центра культуры и науки в САР создана Российско-сирийская археологическая экспедиция в Латакии¹⁵.

В целом, если суммировать научно-экспедиционную деятельность отечественных ученых, то представляется, что есть несколько магистральных направлений ее дальнейшего развития.

Во-первых, это расширение спектра. **Помимо археологии речь должна идти и о современных культурно-антропологических и социологических исследованиях, которые вполне могут проводиться попутно с работой археологов.** Дело здесь не только в обогащении нашего научного багажа и приращении знаний о ближневосточном регионе в частности и функционировании человеческих сообществ в целом, но и в решении вполне прикладных задач развития гуманитарных связей.

Во-вторых, **важно думать о доведении информации о результатах работ как до российского, так и до местных обществ.** Приходится признать, что в этом плане существующая ситуация остается совершенно неудовлетворительной: мало кому в России или в арабских странах известно не то что о результатах деятельности упомянутых экспедиций, но и о самом их существовании. Исправление ситуации,

oooooooooooooooooooo

14 Наб`а Эфка ат-Тадмори. Дираса тарихия-асария — ва иада ат-тармим ва ат-тахиль. Димашк, 2022. (Пальмирский источник Эфка. Историко-археологическое исследование, реставрация и реабилитация. Дамаск, 2022. — 165 с.)

15 Кармов Т. М., Буторин Д. А. Управление объектами всемирного наследия в условиях вооруженного конфликта и террористической угрозы (на примере объекта Древние деревни Северной Сирии) // Культурологический журнал. 2019. № 1 (35).

как представляется, может вестись по нескольким линиям: **через усиление информационной поддержки и развитие научной журналистики; через организацию просветительских мероприятий как в вузах стран региона, так и в активно действующих Русских домах; наконец, через поддержку научно-популярных изданий**, в целом сегодня пользующихся большим спросом у читающей публики.

Наконец, в-третьих, **важной задачей является использование действующих исследовательских проектов для развития иных областей сотрудничества. В этом контексте актуальным может быть не только укрепление образовательных связей, что само по себе и немало, но и расширение использования естественно-научных методов в исследованиях, которое потянет за собой и интенсификацию сотрудничества в других научно-технологических сферах, а также активизацию академических обменов.** В этом плане внимания заслуживает как проект «Пальмира», так и начавшееся взаимодействие между археологами-ближневосточниками ИВ РАН и специалистами ОИЯИ.

Интенсифицируя полевые исследования на Ближнем Востоке, необходимо принимать во внимание, что в сегодняшнем мире иностранные экспедиции и сотрудничество с иностранными музеями воспринимается неоднозначно. В них традиционно, а сейчас особенно, видят источник заработка, с одной стороны, и проявление колониалистского подхода к наследию — с другой. Тенденции эти в мире сильны и нарастают. **Одним из важных средств преодоления недоверия и деколонизаторской риторики является совместность.** Механизмы такой работы известны, применяются, но должны непременно подчеркиваться в соглашениях, названиях и информативных материалах.

Наконец, последнее. Обилие самостоятельных культурных инициатив российских ученых на Ближнем Востоке, конечно, приятно, однако и оно несет в себе ряд опасностей. Некоторые из этих инициатив носят довольно авантюристский характер, они бывают недостаточно проработаны логистически, их реализация бывает связана с взаимодействием с весьма ненадежными партнерами и иной раз опирается на недостаточно прозрачные финансовые практики. **Чтобы избежать негативных последствий всего этого и повысить эффективность работы, необходима серьезная координация, прежде всего — со стороны Академии наук.**

Задачи на завтра

От описания современного состояния дел в научно-гуманитарных связях России со странами Ближнего Востока самое время перейти к осмыслению задач, стоящих перед нашей культурной дипломатией.

Реальных ее воплощений сегодня парадоксальным образом одновременно и много, и совершенно недостаточно.

Благодаря упорному труду Россотрудничества Русские дома в странах Ближнего Востока и Северной Африки становятся каналами российского культурного влияния. Правда, что в разных странах их сотрудникам приходится работать в совершенно различных условиях, что требует каждый раз существенной корректировки содержания деятельности. Так, египетская интеллигенция традиционно к России относится с большим интересом. В Сирии в условиях постконфликтного восстановления в целом наблюдается некоторый дефицит культурных мероприятий, что, конечно, содействует популярности предлагаемых Русским домом в Дамаске инициатив. Некоторые из них, кстати, направлены и на укрепление собственно сирийской культуры — как, например, организованный в 2023 г. фестиваль бедуинской поэзии. В то же время в таких странах, как Марокко или Тунис, Русские дома существуют в высоко насыщенной культурной среде и в условиях, когда местные общества традиционно ориентированы скорее на европейских партнеров. Это повышает требования к конкурентоспособности российского культурного предложения.

Другим — на этот раз далеко не всегда институционализированным — каналом народной культурной дипломатии России традиционно остаются русскоязычные общины в странах региона, сформировавшиеся в ходе нескольких волн эмиграции начиная с 1920-х гг., а также подчас весьма влиятельные сообщества выпускников советских и российских вузов, члены которых изначально с теплотой относятся к нашей культуре. Работа с этими группами — как по линии Россотрудничества, так и по другим — остается первоочередной задачей. В этом плане отрадно наблюдать постоянный рост числа квот на обучение, предоставляемых российской стороной государствам Ближнего Востока и Северной Африки. Такая политика позволяет надеяться на то, что значимость указанных групп в укреплении межкультурного взаимопонимания будет сохраняться.

Наконец, третьим весьма влиятельным инструментом культурного сближения сегодня может считаться деятельность религиозных организаций — как мусульманских, так и христианских. Различные инициативы, предпринимаемые по линии межцерковных связей РПЦ, Императорским Православным Палестинским Обществом, Духовными управлениями мусульман, главами мусульманских субъектов Российской Федерации или различными фондами, позволяют демонстрировать ценностное единство народов России и стран Ближнего Востока, преодолевая некоторые негативные элементы восприятия друг друга, сформировавшиеся в период господства у нас атеистической идеологии. Особенно интересно здесь, что деятельность религиозных и близких к ним структур в последнее время часто затрагивает не только религиозные вопросы как таковые. Достаточно упомянуть о роли межцерковных связей в оказании гуманитарной помощи сирийцам или о разнообразных культурных инициативах российских мусульман, в том числе о проходивших в Саудовской Аравии выставках, посвященных российскому исламу, о множестве международных конференций, об издательских проектах и т. д.

Помимо этих трех каналов для реализации целей культурной дипломатии, нельзя не упомянуть и об активности других, более традиционных институтов. К ним относятся и арабская редакция RT, позволяющая доносить до арабского телезрителя новости о культурной жизни России, и российские культурные институции — прежде всего организующие в регионе выставки крупные музеи, гастролирующие там театральные коллективы и т. д.

Таким образом, на первый взгляд, круг задействованных акторов довольно широк. В то же время, учитывая огромные размеры ближневосточного региона и масштабность стоящих задач, он кажется недостаточным. Так, переводы современной (впрочем, как и классической) русской литературы на языки региона сегодня осуществляются по большей части местными энтузиастами при минимальной поддержке из России. Музейно-выставочное взаимодействие, кинопрокат, продвижение российской музыки и т. д. — все это могло бы развиваться активнее. К сожалению, простых решений тут нет. Недостаток культурного взаимодействия порожден, как представляется, прежде всего тем, что на протяжении нескольких десятилетий ни Россия для стран Ближнего Востока, ни эти страны для России не были

В.В. Наумкин с сокотрийцем в ходе фольклорно-лингвистической экспедиции, (декабрь, 2021)

приоритетными партнерами, и новые поколения граждан попросту слишком мало знают друг о друге. Фактически это та же проблема, что существует с научными связями. **Можно предположить, что по мере интенсификации гуманитарного, политического и экономического взаимодействия запрос на знание о культуре друг друга будет расти, и здесь нам важно будет успеть этот запрос почувствовать и адекватно на него отреагировать.**

При этом важно задуматься об общих принципах будущего взаимодействия.

Современная международная ситуация подталкивает переосмыслить эти методы и принципы, не очень увлекаясь, однако, новациями. Сегодня весь мир, как и мы в России, сосредоточен на суверенности, что, однако, не исключает солидарности. Актуализация темы суверенитета в международной культурной сфере проявляется среди прочего в очередном всплеске эмоций и действий в связи с процессами деко-

Дни культуры Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) в Москве (июль, 2024)

лонизации. Со стороны деколонизированных народов это выражается в резко заявляемых требованиях культурной реституции из музеев Запада, в «войне этикеток» о принадлежности тех или иных объектов к разным культурам, в политической актуализации проблемы культурного наследия. При этом если раньше эта проблема рассматривалась прежде всего в контексте спора между колонизаторами и деколонизированными (ярким примером тут служит до сих пор не решенный вопрос о принадлежности алжирских архивов), то сегодня она оказывается элементом конкуренции между самими региональными силами, примером чего служит известный скандал из-за орнамента заллидж, развернувшийся между марокканцами и алжирцами во время чемпионата мира по футболу 2022 г.

Особое внимание в этом контексте обострения культурной памяти придается рифмам истории — когда исторические аллюзии, обраще-

ние к тем или иным культурным мифам становятся важнейшими элементами не только пропаганды, но и реальных политических споров. Достоин упоминания, что радикалы по обе стороны палестино-израильского противостояния часто используют библейские образы, аргументируя свои действия. Так, ХАМАС эмоционально рисует свою борьбу за Палестину как акт благочестия, аналогичный походу Иисуса Навина (см. упоминания аятов суры «Аль-Маида» в связи с атаками 7 октября 2023 г. и многие другие лозунги типа «Всемирный потоп ради Аль-Аксы»), а израильские ультраправые апеллируют к священной истории еврейского народа.

В такой обстановке русская культура может быть примером доброй стабильности и сохранения ценностей, несмотря на любые политические передеряги. Популярный сегодня пафос деколонизации позволяет обратиться к отечественному опыту и напомнить о нем. Советская Россия, признав Российскую империю колониальной державой (с оговорками), развернула грандиозную программу положительной деколонизации, изучая и возвеличивая суверенные культуры народов империи. Комплексы культурных событий, посвященных искусству и литературе народов Востока, имеют серьезные результаты и сегодня: становление национального самосознания и память о международном признании великих эпосов «Шахнаме», «Витязь в тигровой шкуре», «Давид Сасунский», великих поэтов — Навои, Низами, Фирдоуси. Эта память жива. В частности, эрмитажные собрания памяти Навои и Низами в блокадном Ленинграде, создание в музее Отдела Востока, искрометная просветительская деятельность Иосифа Орбели, открытие Урарту до сих пор «работают» противовесами антироссийской культурной пропаганде на Кавказе и в Центральной Азии.

Российский и советский опыт, как положительный, так и отрицательный, приобретает новое значение в общей культурной работе по сохранению традиционных культурных ценностей и их описанию как основы диалога культур. Рядом стоит проблема исторической памяти, которая тоже является частью культурного суверенитета и которая, как и традиции, у всех народов разная. Снимать противоречия можно через совместные дискуссии вокруг художественных произведений, отражающих исторические события с разных сторон. От повестей Константина Леонтьева до триллеров современных российских журналистов-арабистов. Кроме того, заслуживает внимания имеющий-

ся у России опыт работы различных двусторонних комиссий историков, в рамках которых ищутся компромиссные интерпретации спорных исторических событий.

В контексте сказанного цели российской культурной дипломатии сегодня должны быть просты — обеспечить понимание культурной обоснованности политики России и предложить проекты культурного сотрудничества как основу для политического взаимопонимания и взаимного культурного обогащения.

Инструменты для этого многообразны. Фестивали, дни и недели национальных культур работают отлично. Однако их недостаточно. Чрезвычайно важно укреплять личные, в том числе эмоциональные связи между представителями творческой интеллигенции России и стран Ближнего Востока. Эффективным инструментом здесь могло бы стать привлечение молодых деятелей культуры на стажировки, проведение совместных творческих лабораторий и т. п. Главный акцент в этой деятельности (ее конкретных форм может быть очень много) следует поставить на уже упомянутой ранее **совместности**. Этот принцип очень привлекателен и позволяет долго сохранять положительный эффект. Совместными должны быть выставки в музеях и уже описанные выше археологические экспедиции. В противном случае их легко можно представить как орудие неокOLONиализма. Полезны совместные публикации исторических материалов, художественных произведений и т. д. При всех логистических, организационных и психологических трудностях организации такой совместной деятельности важно помнить, что только она способна обеспечить ту **солидарность**, без которой повсеместная ставка на укрепление суверенитета может обернуться антагонизацией партнеров.

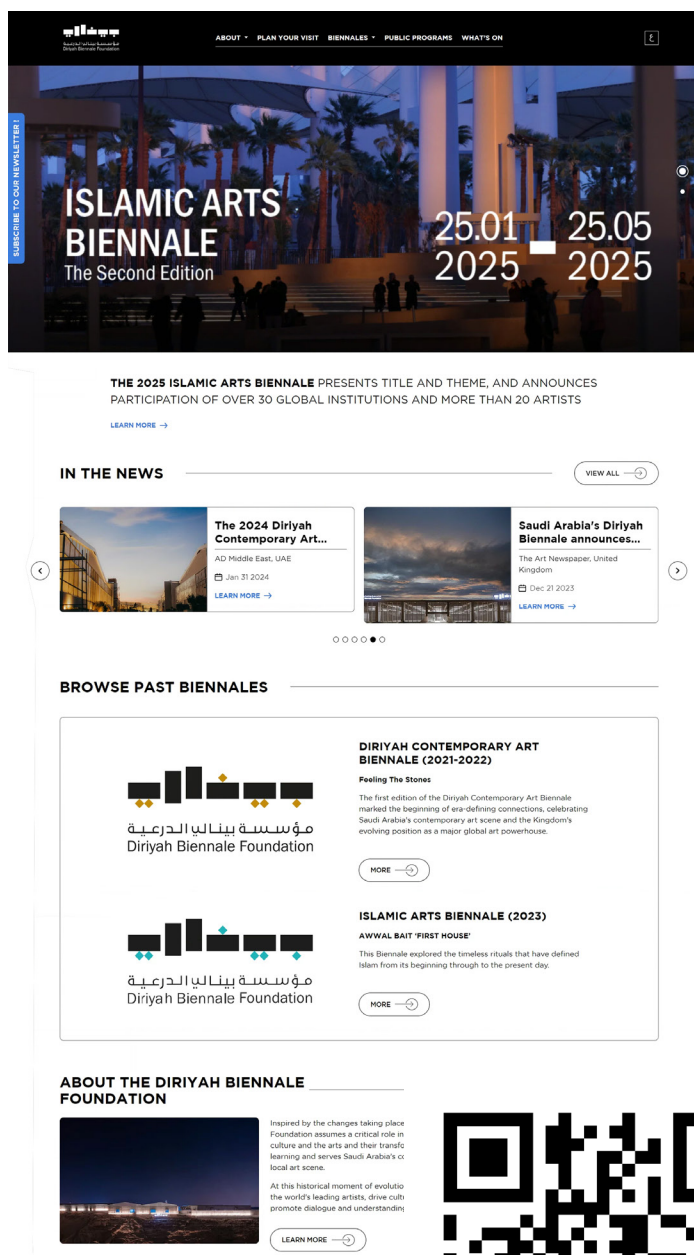
Место России в культурных связях на Ближнем Востоке сегодня меньше, чем оно должно быть. Есть шанс это изменить, опираясь на две территории.

Одна — Египет и Сирия с их огромными традициями культурной жизни. Значимым партнером для сотрудничества здесь является Большой Египетский музей, претендующий на звание лучшего музея мира.

Другая территория — это Аравийский полуостров, где работают и создаются культурные институции новейшего типа, хорошо освоившие западный опыт, но эмоционально открытые к другим самобытным традициям. Здесь следует особо обратить внимание на взаимодей-

ствие с современным искусством арабских стран, которое развивается активно и качественно; серьезного внимания заслуживает биеннале исламского искусства в Джидде. Следует поддержать аравийские программы Школы искусств, совместного предприятия Государственного Эрмитажа и Европейского университета в Петербурге. Хорошим примером взаимно интересной инициативы является проект всемирно популярного египетского художника Вайля Шауки в Эрмитаже: в современной стилистике мультимедиа будет представлена история Египта времени восстания Ораби-паши, страницы истории Египта, которую египтяне давно стараются сделать важной частью глобальной исторической памяти.

По-настоящему важным начинанием для укрепления нашей культурной дипломатии мог бы стать регулярный большой ближневосточный фестиваль с историческими и этнологическими дискуссиями о единстве разнообразного мира. Участие в нем могли бы принимать представители всех стран региона, в том числе и Израиля, культурные связи с которым нам необходимо сохранить.

Сайт биеннале исламского искусства в Джидде
biennale.org.sa

Помимо политической воли, финансирования и т. п. для проведения такого фестиваля очень важно было бы заручиться поддержкой сильных партнеров в самом регионе.

Конечно, широкие возможности по развитию культурной дипломатии не могут не сталкиваться с некоторыми препятствиями. Среди них и сознательная заградительная деятельность с подачи и без подачи западных держав, и политика санкций, и обвинения в колониализме, и непонимание властью приоритетной важности культурных событий в условиях, когда культура становится основой перестройки мира. Наконец, с прошлых времен сохранилась высокая степень коммерциализации наших культурных учреждений на Ближнем Востоке, что тоже не помогает правильному восприятию нашей культурной политики, у которой есть традиционный образ благородной и идеалистической. Этот образ мы можем и обязаны сохранить. Он тоже — наша традиционная ценность.

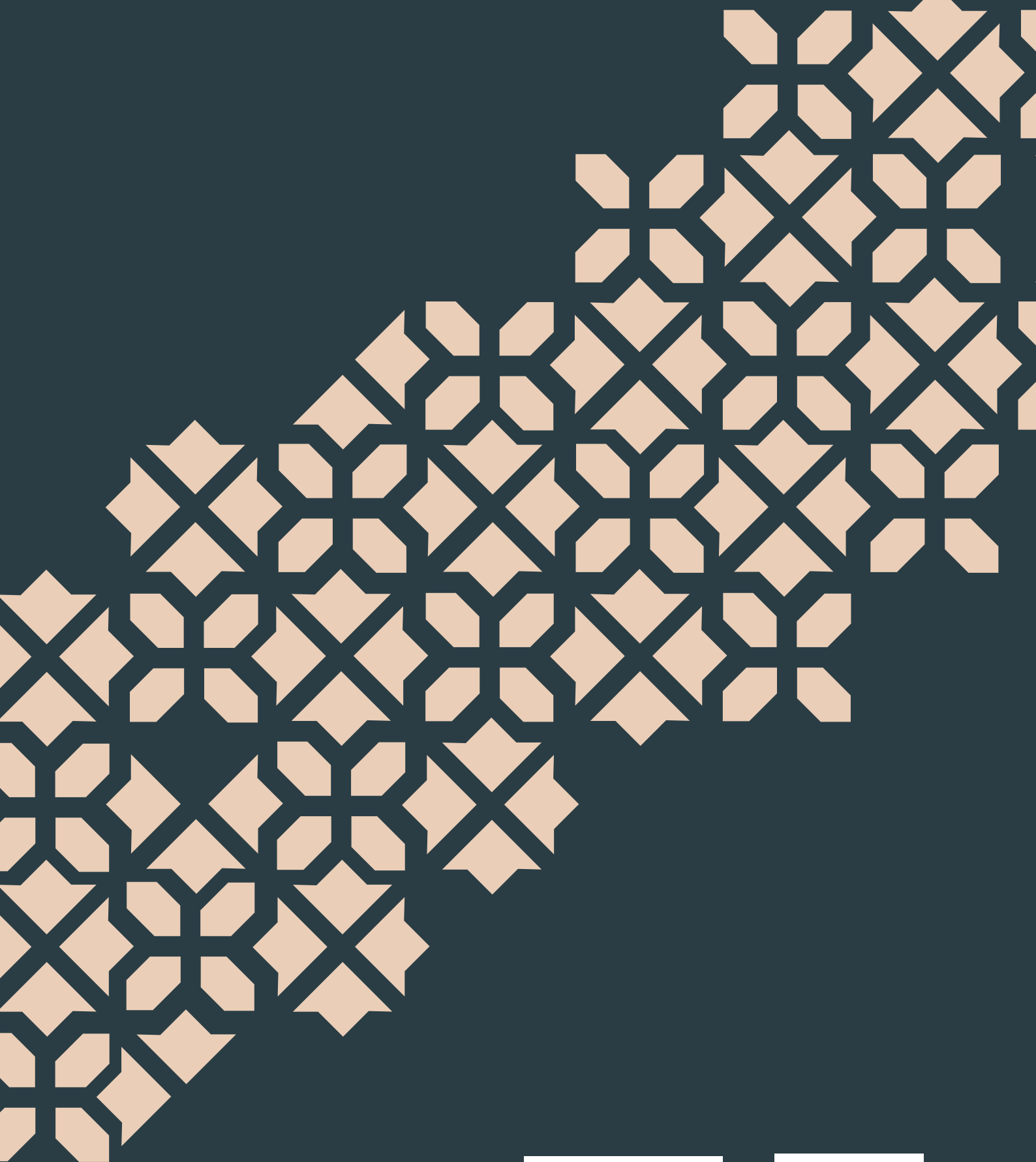
В конечном счете с какими бы трудностями и препятствиями мы ни сталкивались сегодня, в перспективе все они преодолимы упорной работой и хорошей ее демонстрацией. Страны Ближнего Востока стремятся разнообразить свой культурный контекст, и Россия дает им такой шанс.

**Миссия культурной и научной дипломатии России
на Ближнем Востоке
Доклад**

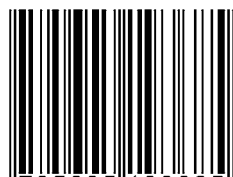
Верстка — Горохова А.Ю.

Редакторская группа — Решетняк И.А., Исакова А.А., Сагитов В.И., Голубев Ф.И.

Источники иллюстраций:
ИБ РАН, ИМЭМО РАН, газета «Страна Росатом»,
О. Сосницкий, mos.ru, biennale.org.sa,
личные архивы авторов

ISBN 978-5-6051936-8-5

9 785605 193685 >

primakovcenter.ru